

Текст · 31 мая 2019, 10:23

«"Меня будут пытаться?". Он кивал». В суде выступил обвиняемый в создании «террористического сообщества» антифашист Илья Шакурский

Виновным себя Илья Шакурский не признает. В начале 2010-х годов он увлекся панк-музыкой, стал интересоваться философией и политикой, примерно с 2012 года начал принимать участие «в самых разных инициативах» — например, экологических акциях в своем родном поселке Мокшан. В 2014 году Шакурский закончил школу и поступил в Пензенский педагогический университет.

Его деятельность быстро вызвала интерес Центра «Э». «Я забыл сказать, что являлся еще сторонником антифашизма. Неоднократно были столкновения с нацистами, которые нападали на неформалов на концертах». Шакурского вызывали как в отделения полиции, так и в сам Центр «Э». «Стали делаться предложения по поводу сотрудничества. "Ты антифашист, давай ты будешь нам фашистов показывать". Я объяснил, что не собираюсь выполнять их работу. После чего мне сказали: "Не хочешь дружить? Ну, будем врагами"».

После этой встречи у молодого человека начались проблемы в вузе; силовики пытались дискредитировать Шакурского, указывая на него как на неонациста. Все это время он продолжал изучать теорию анархизма, которая охватывает весьма

разнообразные системы взглядов («это бесконечная дискуссия»), писал статьи, выступал на концертах и митингах памяти убитых антифашистов.

После поступления в университет Шакурский переехал в Пензу, где сначала жил с матерью в однокомнатной квартире, а потом переселился в квартиру напротив. Он нашел приятелей, вместе с которыми ходил на занятия по рукопашному бою и в походы.

В 2014 году антифашист получил неожиданную известность, когда после конфликта в кафе ультраправые выложили видеосъемку их спора (в ролике Шакурский, окруженный десятком оппонентов, спокойно пьет чай и повторяет, что «фашисты сосут *** [член]» — МЗ). У молодого человека появилось множество знакомых в разных городах; Центр «Э» также заинтересовался популярным видео; позже с Шакурским встречался и сотрудник ФСБ, который предлагал ему сотрудничество — он отказался. В следующий раз активист увидел своего собеседника из спецслужбы уже во время задержания. В 2015 и 2016 году Шакурский нередко выступал на митингах и никогда «не был скрытым», говорится в обвинении.

В чем ФСБ обвиняет Илью Шакурского

Уголовное дело о «террористическом сообществе "Сеть"» было возбуждено ФСБ в октябре 2017 года. Тогда в течение месяца в Пензе задержали Егора Зорина, Илью Шакурского, Василия Куксова, Дмитрия Пчелинцева, Андрея Чернова и Армана

Сагынбаева (последнего силовики нашли в Петербурге и этапировали в Пензу). Двое пензенцев — Максим Иванкин и Михаил Кульков — были объявлены в розыск, в июле 2018 года их задержали в Москве.

В январе 2018 года в Петербурге по тому же делу были задержаны Виктор Филинков и Игорь Шишкин. 11 апреля обвинения предъявили еще одному петербуржцу — Юлию Бояршинову. Большинство фигурантов дела — антифашисты и анархисты; многих задержанных объединяет и увлечение страйкболом.

В ФСБ утверждают, что участники «Сети» собирались «раскачать народные массы для дальнейшей дестабилизации политической обстановки в стране», устроив теракты во время президентских выборов и чемпионата мира по футболу в 2018 году. По мнению силовиков, ячейки организации действовали в Москве, Петербурге, Пензе и Белоруссии.

23-летнему Илье Шакурскому предъявлены обвинения в создании «террористического сообщества» (часть 1 статьи 205.4 УК) и незаконном хранении оружия и взрывчатки (часть 1 статьи 222 УК).

«Медиазона» кратко пересказывала версию следствия и обвинения, предъявленные Шакурскому и другим подсудимым из Пензы.

Задержание. «Не жди, что мы будем играть по-честному»

18 октября 2017 года Шакурского задержали сотрудники ФСБ. В тот день он плохо себя чувствовал и не поехал на учебу. Ему настойчиво звонили знакомые и мать его друга Егора Зорина,

которые говорили, что тот не ночевал дома и не выходит на связь. Сначала Шакурский решил, что Зорин мог остаться у друзей или девушки, но его мама сильно беспокоилась, поэтому Шакурский стал безрезультатно обзванивать общих знакомых. Последний раз Зорина он видел после обеда 17 октября. Проведя весь день в поисках друга, вечером Шакурский поехал домой на маршрутке.

Когда молодой человек подходил к дому, его кто-то сбил с ног подсечкой — Шакурского схватили, грубо уложили на пол машины и начали бить, спрашивая: «Кем задержан?». Били до тех пор, пока не получили ответ: «Задержан ФСБ». «Я вообще не понимаю, что происходит. После чего мне говорят: "За что задержан?". Ну, здесь уже я просто не понимал, за что я задержан. Первое, что мне пришло в голову, что до этого пропала моя бывшая девушка Виктория Фролова, ее искали родители, и опять же мне все названивали. Я думаю, может быть, обратились к ним, и меня в чем-то подозревают — сказал об этом, но оказалось, что это не так. Уже в отделении ФСБ мне пояснили, в чем я обвиняюсь».

Там Шакурского снова били, требуя назвать пароль от телефона. «Это был единственный электронный носитель, в котором был пароль, я сказал пароль из четырех цифр и одной буквы, после чего от меня отстали. Начали читать сразу же мою переписку».

«Когда я приехал туда, я там увидел Василия Кукова, он сначала сидел просто с наручниками на стуле, после чего я слышал в соседнем кабинете стоны. Я думаю, что это были стоны Кукова. После чего зашел

один сотрудник ФСБ в маске, у него в руках была тряпка или какие-то бинты в крови все. Он сказал, что у Кукова течет кровь. Я понял, что к нему тоже применяются какие-то недозволенные действия».

Сотрудник ФСБ — позже Шакурский узнал, что его зовут Вячеслав Шепелев — сказал ему: «Не жди, что мы будем играть с вами по-честному». «Я тогда предполагал, что что-то произойдет незаконное, но что конкретно, не мог сказать». У Шакурского вырвали клочок волос, забрали ключи и отвезли на обыск, во время которого у него под диваном и подоконником на кухне нашли СВУ и пистолет Макарова. «Изначально обнаружили баллон такой красный, который я видел впервые».

После этого один из оперативников — скорее всего, тот же Шепелев — «обратил внимание, чтоб под диваном посмотрели». Оттуда достали пистолет Макарова. «Я не имею к нему никакого отношения и не знаю, откуда это оружие». Ничьих отпечатков пальцев на оружии и СВУ не обнаружилось. «Я думаю, было бы глупо очищать этот предмет от всех отпечатков пальцев, тем более от частиц, и прятать его под диван в квартире».

Следователь ФСБ Валерий Токарев впервые допросил Шакурского около двух часов ночи. «Я изначально указывал, что я не хочу допрашиваться, я был очень испуган, очень волновался, у меня болела голова от многочисленных ударов сотрудников ФСБ, и я об этом говорил. Но он был настойчив, а я был настолько испуган, что все-таки поддался давлению и дал пояснения о том, что да, я ходил в походы, знаю

всех этих людей, но никакого терроризма не было. Вину я не признал».

На первом допросе Шакурского сопровождал адвокат по назначению, позже появился нанятый родными адвокат Михаил Григорян. С ним он снова дал пояснение о том, что полностью не признает вину. «Хочу отметить, что пояснения у меня даны таким языком, каким я выражаюсь. То есть я не называл псевдонимы, клички конспиративными именами. Я не называл походы и мероприятия "полевыми выходами" и так далее, у меня не было таких терминов, они появились только при допросах у Токарева».

После этого начались «постоянные поездки: то ко мне сотрудники ФСБ — точнее, Вячеслав Шепелев и, по-моему, сотрудник по фамилии Воронцов — в СИЗО в следственный кабинет приезжали», то Шакурского возили в управление ФСБ. Допросы проходили в присутствии оперативников, которые «объясняли, что нужно говорить», били по голове и по корпусу, запугивали, угрожали изнасиловать или «опустить».

«Ты закусился с государством»**Дмитрий Пчелинцев рассказывает, как после пыток сочинял свое признание вместе с сотрудниками ФСБ**

«Я понимал, что ничего мне не поможет, потому что это сотрудники ФСБ. Единственное, у меня была надежда, что я нахожусь в безопасности в самом СИЗО — даже несмотря на то, что они приезжали ко мне в следственный кабинет. Но я не думал, что они смогут ко мне зайти туда».

Шакурский постоянно просил адвоката Григоряна связаться с журналистами и правозащитниками, рассказать родным о его состоянии, но тот не делал ничего. «Мне он сказал, что никто со мной связываться не хочет, потому что я обвиняюсь по террористической статье, то есть мое на тот момент состояние было такое, что я думал, что я с этой ситуацией один на один. И мне уже никто не поможет».

«В дальнейшем он мне предложил, что, может, стоит все-таки признать, потому что тебе хотят вменить первую часть^[1], а это намного жестче, чем вторая.

На что я поддался и начал давать показания».

Эти признательные показания «объяснялись мне в одном из кабинетов ФСБ, в частности, Вячеславом Шепелевым».

Пытки. «Зачем ты врешь ФСБ?»

«Я выезжал на допрос 3 ноября 2017 года, приехал обратно, и мне сказали, что я перевожусь в карцер за нарушение — что я не вовремя встал во время подъема. Мне назначили пять суток, назначал срок карцера Уразгалиев — насколько я знаю, он был начальник оперчасти в УФСИН. <...> Было это вечером. Мне не дали зайти в камеру, чтобы я взял какие-то вещи, хотя должны были это сделать — меня не завели, потому что не хотели, чтобы кто-то знал, куда меня вообще ведут.

Меня привели в какое-то отдельное здание, это не тот корпус, в котором я находился и где я сидел. Я тогда еще не знал, где в СИЗО находится карцер, и думал, что меня ведут туда. У меня было первое впечатление, что это подвал, потому что первая лестница, которая мне встретилась при входе, это была небольшая лестница вниз. <...> Меня провели по коридору, там было несколько помещений справа, меня завели в предпоследнюю, по-моему, камеру, она была очень большая, там было много коек, два окна больших, я еще удивился, что вроде бы так карцер не должен был выглядеть.

Туда привел меня сотрудник УФСИН. Когда закрыли дверь, голос за дверью сказал мне: сядь за столик и сиди жди. Я сел. Там был небольшой столик, скамеечка. Я сидел и ждал. Я не знал, как проходит эта процедура.

После чего в камеру зашли три человека в масках, в камуфляжной форме "мультикам", белые перчатки резиновые. Они были в масках, я их не узнал, после чего я узнал одного — это был Вячеслав Шепелев,

потому что я довольно часто встречался с ним в здании ФСБ и слышал его голос. Мне сказали подойти к стенке около окна и смотреть только в стену, на них не смотреть. Я выполнял эти приказания, потому что я до последнего вообще надеялся, что ничего не будет происходить и опять просто будет давление и запугивание. После чего мне сказали раздеваться.

Здесь я настолько был испуган, что у меня первая мысль была, что со мной сейчас просто... я не выйду больше из этой камеры никогда. Я разделся, после чего мне сказали вниз наклонить голову и сесть на скамейку. Я сел, мне завязали глаза какой-то тканью, я был в одних трусах, сзади руки мне завязали скотчем. Один человек был напротив меня, один завязывал мне руки и держал меня за плечи, другой как раз находился около столика — я не мог видеть, я так просто предполагаю.

После чего мне начали на большие пальцы на ногах привязывать какие-то проводки. Вообще первая мысль была, когда мне руки завязывали, это что как бы у меня оружие изъяли — я знал, что там отпечатков моих нет, и я подумал, что мне просто хотят оружие дать в руки, чтобы отпечатки пальцев остались мои.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Я до последнего не понимал, для чего меня будут пытаться, потому что я дал все признательные показания, которые они у меня просили. Проводки мне привязали и первый вопрос был: "Зачем ты врешь ФСБ?". Я эмоционально начал объяснять, что я не вру ФСБ, я все говорю, что вы меня просите. То есть я понимал, что они хотят от меня еще каких-то

показаний. После чего они мне начали задавать вопросы, на которые я не мог ответить, например, где находятся остальные участники организации. То есть я, во-первых, ну, знал, что никакой организации нет, а по поводу тех, кого они искали, я не мог сказать, где они находятся.

Мне начали подавать ток. То есть это было несколько раз, может быть, пять. И в это время мне задавались вот такие вопросы. После чего мне объяснялось, что "зачем ты юлишь на допросах", то есть там были такие моменты, когда следователь Токарев мне что-то говорил, и я говорил: "Нет, давайте по-другому лучше запишем", и это следователю Токареву не нравилось. И отсюда я просто делаю вывод, что следователь Токарев знал о пытках, которые совершались со мной 3 ноября.

После чего Вячеслав Шепелев, который держал меня во время подачи тока, потому что боль была настолько невыносимая, что у меня дрожали ноги и я падал постоянно со скамейки... А он меня держал. Иногда он меня бил по ногам, потому что у меня нога тряслась очень сильно — я не знаю, от чего, от подачи тока или от страха. И он снимал с меня трусы, угрожая, что он вообще меня изнасилует. Если я продолжу "юлить" или кого-то выгораживать или кого-то пытаться спасти, как он объяснял, то есть они в любое время могут прийти и... Видимо, они делали это для того, чтобы я понял, что они действительно могут зайти в СИЗО и делать со мной все, что захотят.

В тот момент я действительно понял, что у меня теперь нет никакой возможности даже поменять свои

показания, хотя бы как-то корректировать их, хотя бы как-то поддавать логике или еще что-то. После чего я просто вообще не читал показания, которые писались следователем Токаревым, которые я подписывал и которые подписывал адвокат Григорян. То есть мне давали их для прочтения — я говорил, что нет, их давали адвокату, он читал и все подписывал, а я даже не ознакомливался. Прочел я их уже потом при ознакомлении с материалами дела.

После чего, когда эти пытки закончились, мне развязали... а, еще носок мне запихали в рот, чтобы я не кричал. Меня освободили, я подошел к этому окну, чтобы одеться, я начал одеваться, мне задали вопрос... Ну, меня предупредили вообще, чтобы я не говорил об этом никому — ни правозащитникам, ни адвокату, ни сокамерникам, иначе они снова придут.

Также задали вопрос, где сейчас находится мой адвокат Григорян. Я сказал, что он уехал в Москву, после чего они мне сказали раздеваться. Я начал кричать уже, умолять их, что я действительно не знаю, для чего уехал Григорян и с какой целью. Видимо, они мне поверили и сказали: "Ладно, одевайся"».

После этого сотрудник СИЗО отвел Шакурского в настоящий карцер — при этом взять из камеры необходимые вещи ему так и не позволили.

«В карцере у меня началась паническая атака, я не мог даже встать после пыток, у меня текли слезы, я забился в угол и не мог даже пошевелиться».

Арестованный позвал надзирателя, через некоторое

время пришла врач, которая дала ему какую-то таблетку, и он уснул.

«На следующий день я проснулся — у меня было такое же состояние. Потому что меня мучило не только то, что у меня нет возможности как-то защитить себя и защитить там своих близких, на которых тоже оказывают давление, не то, что мне грозит какой-то срок — меня больше тревожило то, что я оговариваю себя и других людей. И просто моя совесть не выдерживала, что мне пришлось дать показания на людей, которые никакого отношения не имеют к тому, в чем меня обвиняют». На этот раз Шакурскому сделали укол успокоительного.

В один из дней, пока он находился в карцере, его вызвал начальник оперотдела Уразгалиев, который сказал, что «не нужно никому сообщать, ни правозащитникам, ни журналистам о том, что здесь происходит, никому». «Иначе он может сделать мою жизнь в СИЗО очень плохой, начал мне рассказывать, кто такие "петухи", как можно попасть к ним в камеру и так далее». Угрожал Уразгалиев и другими проблемами с сокамерниками. «Я ему сказал, что никуда я сообщать не буду, просто чтобы меня оставили в покое, я даю признательные показания и все».

Отказ от признаний и мать на коленях

В феврале 2018-го в дело вступил адвокат Анатолий Вахтеров. «Я ему также рассказал про пытки, дал полное объяснение». Перед этим Шакурского снова вызвал Уразгалиев и требовал подписать бумагу о

том, что к нему не может приходить никто, кроме адвоката Григоряна. Шакурский не согласился.

После рассказа о пытках он впервые отказался от признательных показаний. Неожиданно ему дали свидание с матерью и крестным. Перед этим следователь Токарев давил на него, требуя, чтобы он вернулся к признательным показаниям, и говорил, что отказавшийся было от своих признаний Дмитрий Пчелинцев уже передумал и снова подписывает нужные следствию бумаги.

«Я понял, что, так как перед этим меня пытали, я понял, что Диму еще раз, наверное, пытали и пытаются. Потому что если он отказывается, то не просто так он начинает опять давать признательные показания. Тем более, Токарев всем своим видом показывал, что это будет именно так. Он мне объяснил что-то в духе: оперативники будут тобой недовольны. Я спрашивал: "Меня будут пытаться?". Он кивал».

«С тех пор я забыл слово "нет"»

Свидетельство арестованного по «пензенскому делу» Ильи Шакурского о пытках

Чтобы закрепить в нем чувство страха, считает Шакурский, ему и разрешили свидание. «Мама запуганная вся в слезах пришла, вставала на колени, упрашивала меня, чтобы я снова давал признательные показания, чтобы я признал вину, иначе будет намного хуже». Состояние матери произвело на антифашиста сильнейшее впечатление — теперь он «понимал, что сотрудники ФСБ могут сделать все что угодно не только со мной, но даже с моими родителями, потому что я видел, до какого состояния она была доведена».

После встречи с матерью, «узнав о возможности того, что я опять вернусь туда и меня опять будут пытать током, я захожу в кабинет Токарева и под видео говорю, что соглашаюсь с ранее данными показаниями». Весь март Шакурский давал признательные показания, «потому что не был уверен, что они все-таки не приедут ко мне снова». Когда же понял, что дело действительно получило большую огласку, он «решил все-таки рискнуть» и снова отказался от показаний.

Следователь даже при адвокатах не стеснялся описывать два варианта развития событий: либо Шакурский признает вину и получает смягчение обвинения, либо нет — и проходит по более тяжелой первой части статьи. «Было это торговлей».

Проверка его заявления о пытках проводилась не слишком тщательно. «Не были осмотрены видеокамеры в СИЗО, не были опрошены сокамерники, которые находились в камере со мной, когда меня уводили пытаться». Не опрашивался и сотрудник ФСИН, который отвел его в камеру, куда потом зашли оперативники ФСБ, причем позже на вопрос, почему этого не было сделано, следователь ответил: «Потому что вас на пытки никто не вел».

Встреча с бывшей девушкой

В мае 2018 года была задержана бывшая возлюбленная Шакурского Виктория Фролова — ее привезли в отдел ФСБ. Туда же доставили на допрос самого арестованного антифашиста. Они расстались еще весной 2017-го, но Илья был по-прежнему равнодушен к Виктории — и силовики об этом знали.

«Когда сотрудники ФСБ смотрят мой компьютер, смотрят мои личные записи, заходят в мою личную жизнь, они видят все: мои дневники, мои мысли, мои переживания. Они понимали, что несмотря на то, что мне пришлось расстаться с Викторией, я испытывал к ней определенные чувства и переживал долгое время из-за этого, и даже как раз-таки во время моего задержания. Я общался, встречался с ней в течение четырех лет, у меня были серьезные планы построить семью в дальнейшем, жить вместе с ней, но все это рухнуло. И, зная о том, что чувства я какие-то испытывал к ней, учитывая это, они решили повлиять таким образом».

Следователь Токарев показал ему записку от Фроловой: девушка просила дать признательные показания и отказаться от адвоката Вахтерова, иначе на нее возбудят дело как на участницу террористического сообщества. Когда Шакурский попросил о свидании, Токарев показал ему видео, «где Виктория сидела за столом, ее снимали на камеру следователь или оперативник, [она] плакала и говорила: "Ну скажи, ну скажи". Она плакала и говорила: "Я не могу"».

Шакурский отказался подписывать любые заявления. «После чего ее привел сотрудник УФСБ Шепелев, который дал нам увидеться, но не разрешил разговаривать. Она просто обняла меня, мы постояли буквально минуту и единственное, что я успел ей сказать — что ну как бы дождись адвоката, вызови адвоката. Больше с тех пор я с ней не виделся».

Обвинение. Страйкбол, а не террор

«Я с точностью могу сказать, что ни в какие организации не вступал, тем более — в террористические, никому никаких обещаний не давал, никаких клятв и подписей в документах не совершал, более того, мне неизвестно о существовании какой-либо террористической организации, сообщества, группы и так далее». Роль разведчика, как сказано в обвинении, Шакурский не выполнял, планов нападать на военкоматы, отделения полиции и партии «Единая Россия» не вынашивал.

О существовании документа под названием «Съезд (2017)» он узнал только из материалов уголовного

дела. При этом через его руки проходило много разных документов, которые писала и обсуждала молодежь, придерживающаяся схожих взглядов.

В Пензе начался суд по делу «Сети»

«Медиазона» кратко пересказывает версию следствия

В обвинении как неустановленный организатор сообщества упоминается человек по имени или кличке Тимофей — в компании Шакурского был человек с таким именем, но близко они знакомы не были, и приказов от него антифашист получать не мог.

Название группы «Восход», которую обвинение считает ячейкой «Сети», Шакурский и его товарищи по игре в страйкбол выбрали для своей команды. Название «5.11», возможно, использовалась другими страйкбольными командами, которые ценят одежду

и снаряжение одноименного бренда. Зорин и Куксов в то время были друзьями Шакурского, поэтому не могли быть у него в подчинении: «Подчинения среди друзей нету». «Они не были анархистами», подчеркивает подсудимый. Во время страйкбольных игр участники обычно надевали маски, но не для конспирации — это часть экипировки. На видео можно заметить, как многие снимают их из-за жары, не пряча лица от друзей.

Обычно Шакурский пользовался телеграмом, но в общении с людьми, которые предпочитают мессенджеры с протоколом «Джаббер», приходилось использовать его. Прозвище Спайк появилось у него еще в то время, когда молодой человек играл в панк-группе и носил прическу-ирокез, состоящую из «иголок», которые и называются «спайками». В Пензе все знали его под этим именем. Псевдонимы «Игорь» и «Руслан Краснов» он использовал на митингах и некоторых открытых мероприятиях. «Я жил в таких условиях, в каждый момент на меня могли напасть [неонацисты] — и после учебы, и до учебы, и около дома, и около подъезда, было бы глупо, если бы я везде представлялся своим настоящим именем, настоящей фамилией».

Шакурский действительно получил разрешение и купил в 2016 году карабин «Сайга», потому что когда-то поставил себе цель: получить высшее образование, водительские права, загранпаспорт и разрешение на оружие. Для получения прав ему оставалось сдать только вождение по городу, загранпаспорт оформить не успел, но остальное — сделал. К этому времени активист отошел от

вегетарианства и собирался охотиться на тетеревов, но так и не смог перебороть в себе отвращения к убийству. Однажды Шакурский с Викторией Фроловой ездили в заброшенный карьер стрелять по пустым коробкам.

Термин «полевой выход» появился в его показаниях только благодаря следователю Токареву. Одна из встреч за городом, которые в протоколах названы «выходами», состоялась в мае 2015 года: собралось много людей, в том числе и нынешние подсудимые. «Что мы там делали? Перетягивали канат, перебирались через ограды, снимали красочные видео».

В другом мероприятии на природе, которое прошло в том же году, участвовали уже совсем другие люди. «Хотели сделать крутейшие видео со спецэффектами». Егор Зорин в своих показаниях почему-то упоминает только гостей из Рязани, хотя к Шакурскому приезжал и его знакомый из Нижнего Новгорода — с ним они и решили снять постановочное видео. «Зорин говорит, что это — штурм, но не может объяснить, почему разбивались "молотов-коктейли" о стенку. Я объясню, потому что это нужно на видео показывать, как горит стена. Он говорил, что внутри здания тактические приемы отрабатывали. На видео этого не видно, потому что я видео с крыши снимал. Зорин забегает, кричит ненормативную лексику какую-то, вышибает дверь. Снималось несколько дублей, потому что что-то не получалось».

«Подобных видеороликов в социальных сетях очень много. Если посмотреть ролики других страйкбольных команд, у которых более профессиональная подготовка имеется, у них экипировка лучше — там можно посмотреть под красивую музыку и вообще подумать, что это какие-то боевые действия, а не игра». На компьютере, где Шакурский хранил эти фото и видео, даже не было пароля.

Участники игр в страйкбол распределяли обязанности, чтобы со стороны это «выглядело как общее какое-то действие», у каждой игры был сценарий. Но время от времени молодые люди просто собирались и обсуждали «какие-то моменты — исторические, философские и так далее».

Поездка в Петербург и проект «Воля»

О встрече в Петербурге, которую обвинение называет съездом ячеек террористической организации, Шакурский узнал в одном из многих чатов в телеграме, на которые был подписан. В чате сообщалось, что в марте 2017 года «в Питере можно встретиться с другими сторонниками антиавторитарных движений из других городов». Антифашист решил съездить туда и взял с собой Зорина, который редко покидал Пензу и «был заинтересован в путешествиях».

Подруга, которая собиралась на это мероприятие вместе с молодыми людьми, не смогла прийти и скинула Шакурскому адрес. Было много народу, кто-то приходил, кто-то уходил, «самые разные люди сидели по каким-то группкам, самые разные диалоги

велись, можно было знакомиться и общаться — кто-то смотрел кино, кто-то обсуждал свои проекты, кто-то просто приходил переночевать или встретиться со знакомыми».

Шакурский на встрече представил свой проект с условным названием «Воля» («документы о нем есть в материалах уголовного дела»). «Вообще этот проект — создание платформы, целью которой является объединение и координация активистов для различной оргдеятельности, а также пропаганда антиавторитарных идей сквозь призму той или иной формы деятельности. Основная особенность платформы — это плюрализм методов пропаганды и борьбы», — зачитал он по бумаге. Своим проектом Шакурский собирался объединить как можно больше активистов «для координации и взаимопомощи». Среди направлений — антифашизм, зоозащита, выживание в экстремальных условиях, туризм, благотворительность и просветительская деятельность.

Документ он писал при помощи своих знакомых и показывал его множеству людей из разных городов, которых можно было бы позвать как участников или организаторов, например — спортивного турнира. Проект был выложен в открытом доступе и обсуждался в соцсетях. Для его подготовки Шакурский использовал самую разную литературу, в частности — книгу 1926 года «Координационная Платформа всеобщего союза анархистов» которая написана Петром Аршиновым и Нестором Махно.

Переночевав в Петербурге, приятели посмотрели город, встретились со знакомой Зорина и уехали. Шакурский вообще часто путешествовал автостопом, а как музыкант выезжал в другие города на гастроли.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Знакомство с подсудимыми

Об упомянутых в обвинении неустановленных лицах из Москвы Шакурский ничего сказать не может — он знаком с московскими анархистами и антифашистами, но все они не имеют отношения к терроризму. Виктора Филинкова и Юлия Бояршинова, которых судят по тому же делу в Петербурге, возможно, где-то и видел, но лично с ними не знаком. Игоря Шишкина мог встречать на спортивных турнирах, позже узнал, что тот занимался брендом «Сила воли» — возможно, списывался с ним по поводу покупки одежды, но лично знаком не был.

С Андреем Черновым из Пензы Шакурский познакомился, скорее всего, на концерте в 2014 году, но больше общался с его братом-близнецом Алексеем, который имел отношение к организации концертов и музыкальных фестивалей. С Андреем они занимались в одном фитнес-клубе и жили в одном районе, виделись на концертах, в походах и во время игр в страйкбол. У Чернова был страйкбольный привод, который Шакурский у него иногда одалживал, но близкими друзьями они не были.

Андрей интересовался спортом и рукопашным боем, они выступали на одних турнирах; Чернов

— вегетарианец или веган. Во время встречи в петербургской квартире, которую следствие называет съездом, Чернов «по-моему, да, он был, но он был немножечко в другой компании, и мы с ним там близко не общались»

С Максимом Иванкиным Шакурский впервые увиделся после переезда в Пензу, до этого только слышал, что «есть такой неформал». Михаила Кулькова он видел только в присутствии Иванкина и не общался с ним. С Егором Зориным познакомился на первом курсе, это простой парень из деревни, аполитичный и без особых интересов.

Василия Куксова он знает примерно с 2015 года — познакомились на каком-то мероприятии, у них сложились дружеские отношения, из всех задержанных по делу «Сети» Шакурский теснее всех общался именно с ним. Воспитанный, веселый, общительный, Куксов ходил на концерты, помогал с приютом для животных, занимался музыкой. «У него основные занятия были — он отдыхает дома, или у него репетиция, или он на работе. Ну еще спорт». Приятель был записан в телефоне Шакурского как «Вася» или «Кокс», никто не называл его Максимом (такова конспиративная кличка Куксова по версии обвинения).

«Это абсурд совершеннейший»

Дмитрий Пчелинцев о том, как игры в страйкбол обернулись обвинением в создании «террористического сообщества»

В январе 2017 года Куксов перестал ходить с товарищами в походы. «Вася рассказал, что он планирует жениться на Елене, с которой он проживал, что он сменил работу, поэтому у него очень много времени будет уходить на личную жизнь, на работу, поэтому не то чтобы даже в походы, он сказал — ребята, я даже наверное на концерты не буду ходить».

С Дмитрием Пчелинцевым Шакурский познакомился тогда же, когда и с Черновым, скорее всего — тоже на концерте. Шакурский замечает, что с Черновым никогда не конфликтовал, а Пчелинцева какое-то время почти ненавидел — у них был конфликт из-за девушки, подробности которого

подсудимый не хочет рассказывать. Они поссорились в 2015 году, и весь 2016-й с Пчелинцевым Шакурский даже не здоровался. Собираясь на очередное мероприятие, он даже уточнял у общих знакомых, будет ли там Пчелинцев, и не приходил, если получал утвердительный ответ. В 2017 году молодой человек остыл, соперники стали встречаться и здороваться, но полноценного общения, близких или дружеских отношений между ними не было. Шакурский подчеркивает, что с учетом вышеизложенного он не мог выполнять какие-либо приказы Пчелинцева, как это сказано в обвинении.

В 2017-м Шакурский снова поссорился с возлюбленной; виновником он опять посчитал Пчелинцева. С девушкой они расстались, а когда та позже пропала, Шакурский подозревал, что в этом замешан Пчелинцев. Связи у них не было, и с Дмитрием он попытался связаться через его жену Ангелину Пчелинцеву. Встреча состоялась 17 октября — как выяснилось позже, в день задержания Зорина. Разговора не получилось, и молодые люди подрались из-за недопонимания: Шакурский обвинял Пчелинцева в своем расставании с девушкой, тот говорил, что Шакурский разрушает его семью. Позже Шакурский убедился, что Пчелинцев был ни при чем.

«Я предполагаю, потому что когда происходило задержание Зорина, видимо, за мной велась какая-то оперативная слежка. <...> Оперативник Шепелев в своем объяснении по поводу моего заявления по пыткам сам говорил о том, что телесные повреждения в виде синяка под глазом мне нанес Пчелинцев.

Откуда ему это известно? Если только он сам этого не видел».

Армана Сагынбаева Шакурский впервые увидел в 2015 году, когда тот приехал в Пензу к кому-то в гости. Тот представился именем Андрей — он выступал за здоровое питание, привозил веганские деликатесы, у него было свое кафе. Шакурский тогда был вегетарианцем. «Также мы общались с ним на темы науки, потому что он более осведомлен в этом, нежели я, мне было интересно».

В 2017 году Сагынбаев снова приезжал в Пензу и участвовал в страйкбольной игре в заброшенном лагере «Карасик». Шакурский тогда подвозил его на машине и рассказывал про местного нациста, который делился с ним информацией о своих соратниках по всей России — в том числе, о вооруженной группе в Тюмени.

Этого неонациста зовут Владислав Гресько. В деле он фигурирует как секретный свидетель под псевдонимом Кабанов, также известен как Влад Добровольский. Он предлагал встретиться с членами тюменской группы, но Шакурский не мог принять это предложение — после видео 2014 года его могли знать в лицо как антифашиста. Он предложил Сагынбаеву отправиться на встречу вместо себя, потом они втроем общались в телеграме, но в итоге антифашисты решили, что Добровольский — или провокатор, или психически неуравновешенный человек, и контакты с ним прекратили.

Секретный свидетель-нацист

В 2016 году Владислав Гресько сам написал Шакурскому и предложил встречу, во время которой пытался выяснить, не нападал ли кто-то из антифашистов на его девушку (такого быть не могло, говорит Шакурский), а потом начал неожиданно откровенно отвечать на расспросы о мероприятиях ультраправых.

«Он начал более откровенно рассказывать про своих знакомых, про свою деятельность, и в дальнейшем даже объяснил мотивацию своей откровенности: у него была личная обида на некоторых представителей неонацистского движения в городе Пензе. Я, конечно, посчитал нужным воспользоваться ситуацией и узнавать у него больше информации, более того, он шел на это».

Разговор зашел о страйкболе, которым ультраправые тоже живо интересовались, и «он предложил провести для меня несколько мастер-классов по страйкбольной тактике». Было несколько страйкбольных встреч. «Параллельно этому я узнавал у него о связях пензенских неонацистов с организацией *Wotanjugend, Misanthropic Division*, возможно, даже связи с запрещенной в России организацией "Правый сектор", которая действует, насколько я знаю, на украинской территории (*Misanthropic Division* и «Правый сектор» признаны экстремистскими — МЗ). Информация была действительно интересной, я готов был ее предоставить [правоохранительным органам], но она вся была на моем компьютере».

Также Гресько рассказывал Шакурскому, что в Пензе у некоторых ультраправых есть хорошие знакомые в Центре «Э», и о том, что в Тюмени действует вооруженная группа неонацистов. «Я посчитал, что нужно этому немного подыгрывать, говорить о моей заинтересованности в общении с этими людьми». Шакурский начал лгать о своих радикальных взглядах, чтобы вывести Влада на еще большую откровенность. Об их общении «знало очень большое количество людей, не только в Пензе», однажды они встречались втроем с Арманом Сагынбаевым.

От того же Гресько Шакурский узнал, как неонацисты пытались его выследить. «Там доходило до абсурда, они вычислили, где работает моя мама — на тот момент в довольно известном торговом центре "Красные холмы" — возможно, кто-то увидел меня вместе с ней по месту ее работы. После чего дождались, проследовали вплоть до маршрутки, проследовали до дома, посмотрели подъезд. Даже квартиру узнали, где она живет, чтобы знать, где живу я и мои родственники. Нацисты знают, где проживает моя мама, где проживаю я, где я обучаюсь. И какой информацией они владеют обо мне, это все мне рассказывал данный персонаж, Влад Гресько, он мне однажды заявил — да ты же Илья, фамилия у тебя такая, а я представлялся всегда [другим именем]». На вопрос, откуда ему все это известно, тот отвечал: «Ты же знаешь, у нас некоторые ребята общаются с Центром по борьбе с экстремизмом».

Зная, что в России уже были нацистские группировки, убивавшие своих политических противников, например — [БОРН](#), а у пензенских

неонацистов есть огнестрельное оружие, Шакурский всерьез опасался за свою жизнь.

«В дальнейшем, когда Влад Гресько стал уже призывать, знаете, там был такой диалог: "Я вот книжку прочитал, там ребята экскаваторы поджигают, еще что-то делают, слушай, а у нас в Пензе же тоже можно!". У нас полицейские есть, можно что-то замутить, как он говорил. Я понял, что он говорил о каких-то действиях радикальных, сказал, что не нужно этого делать. Также он предлагал, например, сделать взрывное устройство, которое в итоге не было сделано, потому что я его действительно не хотел делать, даже не знал, как делать. А он говорил про какие-то вещи — например, аммонал. Я только на следствии узнал, что такое на самом деле аммонал^[2]».

Свои встречи с Владом Шакурский записывал на диктофон и даже просил друзей сфотографировать их вместе. Вся эта информация хранилась на смартфоне Шакурского, который у него изъяли и потом вернули уже отформатированным. Его собеседник тоже записывал разговоры — эти записи оказались в материалах дела, но их расшифровку Шакурский называет «очень некорректной».

«Я в деле уже ознакомился с показаниями, со стенограммой, и понял, что эти диалоги — все с ним, что это и есть [засекреченный свидетель] Кабанов, с которым я всегда общался». После задержания Шакурский написал несколько заявлений о странном поведении этого человека, но получил ответ, что тот допрошен как свидетель и оснований для

его привлечения к уголовной ответственности не установлено.

«Я уделяю этому большое внимание, потому что его уделяло и следствие как основному доказательству моей вины. В этой аудиозаписи не имеется никакой информации о существовании террористической организации "Сеть", "Восход" и так далее. Это — самое главное доказательство».

Редактор: Егор Сковорода

*«Медиазона» благодарит корреспондентов [«7x7»](#)-
Екатерину Герасимову и Евгения Малышева за помощь в
подготовке материала.*

1. Часть 1 статьи 205.4 УК (организация террористического сообщества) предполагает наказание от 15 до 20 лет заключения либо пожизненный срок. Участие в такой организации (часть 2 той же статьи) наказывается несколько мягче — от 5 до 10 лет.

2. Тип взрывчатых веществ, смесь селитры, алюминиевого порошка и тротила.